

**ДРЕВО
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
НАУКИ:
ПОЗИТИВИСТСКИЙ
И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ
ПОДХОДЫ**

А.А. ЕРМОЛЕНКО

доктор экономических наук, профессор,
Южный институт менеджмента (г. Красно-
дар)

В.Н. ДЕЙНЕГА

кандидат экономических наук, доцент, Ин-
ститут экономики, права и естественных
специальностей (г. Краснодар)

КАЖДЫЙ раз, когда наука встречается на своем пути массив качественно новых явлений, она переживает очередную всплеск позитивизма. Бессилие упрочившихся подходов и представлений оборачивается их отрицанием и отбрасыванием; системное здание разрушается. Так было на рубеже XIX—XX вв., когда рухнул привычный мир физических представлений и многим показалось, что исчезла материя (т.е. исчезла необходимость в философском обобщении результатов специальных исследований). Так происходит и на рубеже XX—XXI вв., когда крушение административно-командной системы хозяйствования и становление информативной экономики воспринимаются многими как исчезновение собственности, эксплуатации, теории воспроизводства и т.п. Всем этим «философским штучкам» действительно не находится места в мире разрозненных и сугубо прагматичных представлений об отдельных сторонах хозяйственного процесса. В *таком* мире не возникает необходимость в обобщении и формировании системы экономических знаний; образно говоря, здесь за деревьями не видят леса.

Позитивизм исходит из того, что все подлинное (позитивное) знание — это совокупный результат специальных наук. Исследование не нуждается ни в какой стоящей над ним философии, ни в каких мировоззренческих обобщениях. Для сторонников позитивизма просто не существуют «проклятые» вопросы о первичности и вторичности, генезисе, системности, законе движения и т.п.

Нынешний всплеск позитивизма в российской экономике был подготовлен. Для того чтобы представители специальных экономических дисциплин восстали против стоящей над ними «экономической философии», понадобились десятилетия диктатуры этой самой философии и надругательства над

здравым смыслом. Перед тем как категории собственности и эксплуатации были объявлены излишними для экономического исследования, они успели стать инструментами промывки мозгов.

Политическая экономия как наука о наиболее общих законах общественного производства исторически формировалась именно как «экономическая философия». Она обобщала конкретные результаты специальных экономических исследований и выстраивала из этих обобщений ствол древа экономической науки. Ствол и ветви не могут обойтись друг без друга. Только их эффективное взаимодействие обеспечивает жизнь и развитие древа науки. Оторванные от реальных проблем управления, учета, финансов, инвестиционного процесса, представления о формах собственности становятся бесплодными логическими конструкциями, жонглирование которыми ничего не дает ни теории, ни практике.

В условиях административно-командной системы хозяйствования политическая экономия претерпела двойное превращение. Во-первых, из нее сделали некий абсолютизм. Политическая экономия занималась всеми проблемами хозяйственной жизни; минуя познавательные возможности и инструментарий специальных экономических наук, она пыталась напрямую, непосредственно обобщать видимые факты хозяйственной жизни. В итоге случайное возводилось в ранг закономерного, системное знание формировалось умозрительно (т.е. фактически выдумывалось). Когда же такое лжесистемное знание становилось основанием для адресованных хозяйственной практике рекомендаций, итог воплощался в бесполезных растратах общественного труда. Такова цена игнорирования необходимых опосредствующих звеньев, попытки напрямую связать мировоззренческую по своей природе политическую экономия и хозяйственную практику.

Во-вторых, политическая экономия превратилась в служанку идеологии административно-командной системы. Здесь необходимо точно расставить акценты. В романтическую пору перестройки (конец 80-х гг. XX в.) родился популярный лозунг деидеологизации экономической науки. С таким же успехом можно говорить о прекращении научных изысканий вообще, поскольку экономическая наука делается заинтересованными участниками хозяйственной жизни. Преодолеть собственные интересы, лишиться себя того или иного идеологического угла зрения на объект исследования просто невозможно. Экономическая наука идеологизирована по определению. Это тем более относится к политической экономии.

Другое дело — превращение политической экономики в служанку определенной идеологии. Здесь речь идет уже не об угле зрения исследователя, а о директивном определении допустимых границ и необходимых результатов исследования (понятие «социальный заказ» неадекватно природе и духу административно-командной системы). Тем самым отбрасывается принцип «подвергай все сомнению» и на его место водружается комплекс незыблемых догматов. В итоге наука перестает быть собой.

Превращение политической экономии в некий абсолютизм и одновременно низведение ее до роли служанки официальной идеологии сделали свое дело — дискредитировали ее в глазах как представителей экономической науки, так и обычных граждан. Поэтому крушение административно-командной системы повлекло за собой и крушение прежней политической экономии. Служанка отправилась вслед за госпожой. Само словосочетание «политическая экономия» стало восприниматься как экономическое ругательство; соответствующие кафедры учебных заведений были переименованы и т.д. На смену

политической экономии в современной России в массовом порядке пришла экономическая теория.

В чем же научный смысл этих преобразований? Можно предъявлять к словосочетанию «экономическая теория» языковые претензии, сетовать на размытый характер термина (к экономической теории можно отнести все, кроме экономической практики). Но суть дела в другом. Экономическая теория по своей природе не претендует и не может претендовать на роль науки мировоззренческой, философски обобщающей достижения специальных экономических наук. Она изначально отказывается от позиции над специальными науками и принимает на себя функцию простого суммирования (совокупления) результатов частных исследований. Классики по данной проблеме утверждали одно, историческая школа — другое, а неоклассическое направление — третье. Обобщать же мы не вправе. Какие уж тут экономические законы!

Встает закономерный вопрос — какое отношение имеет такая сводная экономическая ведомость к науке? По всей видимости, никакого. Отметим, что это хорошо понимают в высших учебных заведениях Западной Европы и США, отводя экономикс роль подготовительного, пропедевтического курса, за которым следует изучение серьезных дисциплин. Кстати, термин «экономикс» точно соответствует смыслу дисциплины — ознакомлению с множеством различных точек зрения на экономические процессы.

Итак, на смену «плохой» мировоззренческой экономической науке пришла «хорошая» сводная ведомость. В лучшем случае сторонники экономикс пытаются найти ей место рядом с другими специальными науками — определяют особую область исследования и т.д. Отметим, что в паспорте специальности ВАК «Экономическая теория» политическая экономия в качестве подраздела все же обрела свою область

исследований, к которой отнесены проблемы мировоззренческого характера. Но вслед за ней идет уже привычная совокупность различных концептуальных платформ и подходов.

Даже если удастся позиционировать экономическую теорию рядом с другими специальными науками, она станет лишь особой ветвью на древе экономической науки, но не стволом. Совокупность ветвей без ствола хаотична, бессистемна и неэффективна. Исчезает само древо науки. Разумеется, это не означает, что исчезает экономическая наука вообще. Можно вести (до определенного предела) частные исследования, получать результаты, формулировать и решать специальные проблемы. Но на определенном этапе мы столкнемся с противоречием между масштабами проблемы и границами проводимых специальных исследований. Покажем это на примере исследований в области учета.

Развитие экономических отношений в сфере учета ведет не только к обособлению различных видов учета (бухгалтерского, налогового, управленческого и др.), но и к синтезу, сращиванию отношений в этой сфере с другими экономическими отношениями. Так, управленческий учет, ориентированный на потребности и интересы менеджеров, выходит за рамки собственно учета и сталкивается с проблематикой менеджмента, разграничения экономических интересов, спецификации отношений и прав собственности и т.п. Собственно процесс исследования управленческого учета преодолевает границы изначальной области исследования и формулирует качественно новую — интегральную область. Без системных представлений в такой новой области исследования не обойтись.

Системные представления — естественный результат реализации мировоззренческого подхода, философского по своему характеру обобщения частных результатов специальных наук.

Вряд ли можно отнести к системным представлениям расхожие фразы о том, что «в России завершен переход к рыночной экономике», «в стране победил процесс реставрации капитализма». Подобные фразы хороши для сводной ведомости о различных точках зрения на экономические процессы, но они не имеют отношения к формированию системы экономического знания.

Для современного этапа экономических исследований характерна всепроникающая системность. Мы сталкиваемся с системным характером различных по своей природе, масштабу и общественной значимости процессов. К классической для исследователей марксистского толка системе отношений способа производства добавились, если идти от малого к большому, следующие системные экономические образования:

- домохозяйство (пожалуй, простейшая форма экономической системы);
- хозяйство местного сообщества;
- система малого бизнеса;
- корпорация;
- система региона — субъекта федерации;
- национальная экономика;
- мировое хозяйство и др.

Для многих системных образований характерна сложная структура. Они включают ряд подсистем — например, корпорация с ее подсистемами корпоративного присвоения, действительного и фиктивного капитала, управления, финансовых отношений и др. Для всего многообразия экономических систем нет места в сводной ведомости различных точек зрения на хозяйственные процессы. Система никоим образом не складывается из разрозненных элементов или их совокупностей; она может лишь рассыпаться на такие элементы в ходе собственной деструкции и потери системного качества.

Любая экономическая система возникает, развивается и исчерпывает себя

по определенным законам. Не зная их, нельзя понять характер движения отношений системы, прогнозировать изменения, регулировать процесс развития или управлять им. К. Марксу удалось открыть ряд законов экономической системы капиталистического способа производства. Формирование, развитие и исторические перспективы данной системы определяют три ключевых закона:

- закон стоимости, определяющий вещный способ общественной связи отдельных частных работ, задающий поле и ограничения системы капиталистического способа производства;
- закон жизненного процесса капитала, определяющий жизнь капитала как его движение в качестве самовозрастающей стоимости (простое превращение денег в средства производства есть придание последним титула на чужой труд и прибавочный труд);
- закон движения капиталистического способа производства, определяющий исторические перспективы последнего (капитал последовательно формирует внутри самого себя предпосылки иной, более высокой по своему развитию формы общественного производства).

Открытые К. Марксом законы — научный результат, полученный в 60—70-х гг. XIX в. Экономические отношения более высокого, чем капитализм, способа производства (его называют постиндустриальным, информационным, основанным на знаниях и т.п.) нуждаются в новых философских обобщениях в целях открытия их собственных экономических законов. Результат, полученный в прежнем цикле экономического исследования, становится исходным пунктом следующего цикла. При этом неизбежно изменяются способы и формы философского обобщения, трансформируется сама методология, развиваются принци-

пы мировоззренческого подхода. Экономическая материя XXI в. неизбежно относится к мыслительным формам, рожденным в XIX в., как к прокрустову ложу. Взаимодействие финансового и реального секторов современной экономики вряд ли возможно адекватно отразить с помощью диалектики Г. Гегеля и материализма Л. Фейербаха. Для этого необходимы качественно новые подходы, формы и инструментарий философского обобщения. Они давно востребованы современной экономической наукой.

Рыночные преобразования и процесс становления экономических отношений постиндустриального типа поставили перед экономической наукой комплекс сложнейших проблем, каждая из которых противоречит устоявшимся научным взглядам и подходам. Вместе с тем каждая такая проблема обладает потенциалом обновления и приращения системного научного знания. К сожалению, этот потенциал недоступен для науки, исповедующей позитивистский подход к исследованию. Отказываясь от философских обобщений, она просто обозначает проблему, выделяет ей место рядом с другими проблемами и ждет результатов специальных исследований. Когда такие результаты получены, сводная экономическая ведомость пополняется еще одной позицией. Характерен сам отказ от использования понятия «противоречие». В рамках позитивистского подхода оно означает тупик, беспомощность исследования, провал в теории.

В рамках мировоззренческого подхода противоречие присуще любому экономическому отношению и является источником развития системы отношений. Уже сам факт отношения означает, что в нем есть две стороны, взаимодействующие друг с другом. Анализ каждой из сторон позволяет уяснить характер их взаимодействия. Только после этого обнаруживаются противоречия, требующие своего разрешения. Последнее про-

исходит путем опосредствования сторон, их синтеза, в котором устанавливается новое отношение, содержащее в себе новые противоречивые стороны.

Процесс движет сам себя, переходя от одной формы отношения к другой. Товар порождает деньги, деньги — капитал, капитал — прибавочную стоимость, прибавочная стоимость — накопление, и т.д. Тем самым экономическая система формируется и развивается. Пройдя через горнило процесса исследования, противоречия объективно существующей системы отношений становятся противоречиями системы научных категорий. В политической экономии, образцом которой является «Капитал» К. Маркса, работает принцип восхождения от абстрактного к конкретному — разрешение противоречий обеспечивает переход от простых и бедных по своему содержанию категорий к сложным и богатым; богатство, представленное изначально простым скоплением товаров, оборачивается богатством действительного капитала (прибыли, ренты, процента и т.д.). В экономике работает иной методологический принцип — вновь обозначившиеся проблемы и результаты их решения, полученные специальными науками, выстраиваются в один ряд вслед за ранее поставленными проблемами и полученными результатами. К проблемам рыночного равновесия добавляются проблемы государственного регулирования, а к ним — проблемы монетарного характера и т.д. Единственно возможные преобразования в таком монотонно прирастающем ряду — это классификация существующих проблем и результатов их решения по признаку масштаба (и тогда к макро- и микро-экономике добавляются мезо- и мегаэкономика, а также теории местного хозяйства и домашнего хозяйства) или по признаку исторической последовательности (и тогда теория финансового сектора экономики следует за теорией реального сектора).

Разумеется, ностальгия по «старой доброй политической экономии» не может быть сколько-нибудь серьезным аргументом в пользу движения экономической науки назад. Возврата к прежней политической экономии нет. равно как нет возможности обеспечить серьезное развитие экономической науки в условиях потрясающей бессистемности нынешней экономической теории. Позитивистский подход обеспечивает потребности специальных (частных) экономических наук, но он бессилен перед лицом системных проблем и потребностей экономической науки в целом. Древо экономической науки не может нормально развиваться без ствола, то есть без системной связи частных наук (отдельных ветвей), без мировоззренческого обобщения и субординации результатов специальных исследований.

Выход один — двигаться вперед, философски обобщая богатейшие материалы специальных экономических исследований, полученные за последние десятилетия. Не секрет, что советская политическая экономия занималась такими обобщениями недостаточно, отдавая предпочтение борьбе за «чистоту идейных рядов». Представляется, что масштабным потенциалом приращению системного экономического знания обладают проблемы виртуальных экономических отношений, взаимодействия финансового и реального секторов, пучка прав (отношений) собственности, человеческого капитала и др. Только на основе существенного приращения системного экономического знания можно сформировать новый, соответствующий духу времени ствол древа экономической науки, способный удерживать на себе, упорядочивать и обеспечивать научный «обмен веществ» для всех частных ветвей.

Отметим, что потребность в формировании качественно нового ствола древа экономической науки так или иначе осознается многими исследователями. В частности, это нашло воплощение во всплеске интереса отечественных исследователей к новой институциональной теории, располагающей значительным потенциалом системного упорядочивания экономического знания. Однако данный потенциал все же не выходит за рамки специальных исследований; мы имеем здесь дело в лишь с мощной ветвью древа экономической науки.

Главный аргумент противников мировоззренческого подхода к древу экономической науки состоит в требовании обеспечить плюрализм и свободу идейного выбора. Дескать, хватит с нас диктата прежней марксистской ортодоксии. Незачем создавать себе нового кумира. Но свобода от диктата и свобода от системы — разные вещи. Первая дает простор для творческого поиска, а вторая обрекает на индивидуальную отгороженность от мира. Системная упорядоченность экономического знания никогда не может быть завершенной; характерный пример тому — судьба экономического наследия К. Маркса. Монополия на экономическую истину в последней инстанции возникает только для того, чтобы сформировать под собой пустоту и рухнуть. Свидетельства тому — судьба политической экономии «победившего социализма».

Система экономического знания строится одновременно по нескольким научным направлениям, с привлечением различных концептуальных платформ и ресурсов; речь идет о вполне конкурентном процессе. В условиях глобализации социально-экономического развития системность экономической науки становится императивом.